

Алисон Петч

Типология благотворителей: Питт Риверс, Эдвард Тайлор и музей Питта Риверса в Оксфордском университете¹

Множество важных людей было связано с ранним этапом истории музея Питта Риверса; в данной статье речь пойдет о двух из них — Огастасе Генри Лейне Фоксе Питте Риверсе (1827–1900) и Эдварде Барнетте Тайлоре (1832–1917). Вклад их в развитие музея был разным, однако без них музей был бы иным.

Музей Питта Риверса был основан в 1884 г., когда большое собрание этнографических и археологических предметов, собранных генерал-лейтенантом Питтом Риверсом, было подарено Оксфордскому университету. С тех пор университет продолжал и продолжает получать многие тысячи этнографических объектов от других дарителей. На сегодняшний день на музейном хранении находятся свыше полумиллиона предметов (включая собрания фотоматериалов и рукописей), и музей все пополняет свои коллек-

Алисон Петч

(Alison Petch)

Музей Питта Риверса,
Оксфорд, Великобритания

¹ Я хотела бы высказать признательность за помощь в работе над статьей Крису Гоздену, Катрионе Келли и Джереми Куту. Мне хотелось бы также поблагодарить Франсис Ларсон, мою коллегу по финансируемому «Economic Science Research Council» проекту «Relational Museum», в рамках которого была выполнена работа, положенная в основу статьи. В статье идет речь о Музее Питта Риверса, который ныне является самостоятельным учреждением, независимым от Оксфордского университетского музея естественной истории (расположенного по соседству). Однако в рассматриваемую эпоху Музей Питта Риверса был важной составляющей университетского музея (тогда его нередко именовали коллекцией Питта Риверса, что еще более подчеркивало принадлежность к большому Музею).

ции. Он считается одним из лучших этнографических музеев в мире; предметы, хранящиеся здесь, представляют все регионы мира и многие периоды его истории.

Для британского музея начала XXI в. экспозиции музея Питта Риверса выглядят необычно, поскольку построены они на «типологическом», а не географическом принципе. Подобная экспозиционная форма основана на идеях Питта Риверса об эволюции представлений, которую он попытался продемонстрировать, используя метод типологического экспонирования [Rivers 1891: 117]. Сегодня идеи Питта Риверса не разделяются сотрудниками университета и работниками музея, однако данный экспозиционный метод все еще считается полезным и весьма любимым посетителями. Ныне он рассматривается не в качестве демонстрации эволюционных идей, но как попытка показать многообразие решений общечеловеческих проблем. Быть может, одна из причин любви публики к музею заключается в том, что экспозиционные витрины в отличие от принятой ныне музейной практики Западной Европы забиты экспонатами до отказа. Все это считается существенной частью музея Питта Риверса, тем, что делает музей «уникальным». Между тем ничего этого не было бы без наших героев.

Без вклада Питта Риверса в Оксфорде не было бы музея его имени или даже отдельной этнографической коллекции. Университет получал в свою собственность некоторые этнографические объекты с 1863 г., когда на Брод Стрит в Оксфорде открылся Эшмолианский музей, выставлявший этнографические коллекции обоих Джонов Трейдескантов, однако подобные артефакты всегда были частью выставок или кунсткамер и не связывались специально с этнографией. В открывшемся в 1860 г. университетском Музее естественной истории содержалось небольшое количество этнографических артефактов, включавших материалы путешествия капитана Кука, собранные Фостерами. Это была собственность Коллежда Крайст Черч¹ [Coote 2004: 7]. Принесение в дар основной коллекции дало университету возможность сосредоточить свои этнографические собрания в одном месте.

Питт Риверс был почетным генерал-лейтенантом британской армии, заметным археологом (занимавшимся раскопками в своем поместье на границе Уилтшира и Дорсета) и видной публичной фигурой. В июне 1876 г. он был избран членом Королевского общества, а в июне 1886 г. награжден Оксфордским

¹ Т.е. Christ Church, Oxford, одного из колледжей Оксфордского университета, хотя традиционно и не имевшего названия «колледж», поскольку он является еще и церковной институцией, местом жительства и службы церковной иерархии Оксфорда (в повседневной речи именуется «дом», «The House» от Aedes Christi, т.е. Дом Христа) (Прим. редактора).

университетом степенью почетного доктора гражданского права. В течение ряда лет он являлся секретарем, председателем и членом множества клубов и советов разных обществ. Назовем лишь некоторые из них: член (с 1864 г.) и вице-президент (с 1871 г.) Общества любителей древностей, член и секретарь Этнологического общества (1868), вице-президент археологической секции Британской ассоциации содействия развитию научных знаний (1872, 1874, 1875), президент Антропологического института (1876, 1881–1882). Иными словами, он принадлежал к высшим слоям британского истеблишмента, т.е. был человеком уважаемым и почитаемым. Однако в области этнографии он был практически самоучкой и вообще обладал незначительным, с формальной точки зрения, образованием (у него были только домашние учителя, лишь шесть месяцев он провел в Королевской военной академии в Сендхарсте) [Bowden 1991: 14].

С начала 1850-х гг. он активно занимался сбором артефактов. К 1884 г. он приобрел по крайней мере 20 000 предметов и со всей очевидностью был одним из наиболее плодотворных коллекционеров Англии. Я уже рассказывала о жизни Питта Риверса, его коллекции и интеллектуальных устремлениях, приводя сведения о музейных экспозициях, к которым он был причастен в музеях Бетнал Грин и Южного Кенсингтона в Лондоне, музее Фарнема в Дорсете [Petch 1998; Petch 2006–2007]. Однако в первую очередь меня интересовала оксфордская коллекция. Описывала я и методы приобретения Питтом Риверсом артефактов. Вообще говоря, собрание Питта Риверса включает археологическую и этнографическую коллекции, содержащие предметы из всех уголков мира; особенно замечательно представлены в его собрании оружие и каменные инструменты, однако в нем есть почти все типы артефактов, созданных и использовавшихся человечеством.

В первую очередь Питта Риверса интересовало стремление продемонстрировать эволюцию прикладного искусства от простого к сложному: «Коллекция не содержит какого-то значительного числа уникальных образцов, она собиралась на протяжении двадцати лет не с целью удивить кого-либо красотой или ценностью представленных объектов, но исключительно в виду научения. Для этой цели отбирались и выстраивались в определенную последовательность обычные и типичные образцы, а не уникальные объекты, для того чтобы проследить, насколько это практически возможно, последовательность представлений, посредством которых люди, находившиеся в первобытной культурной ситуации, прогрессировали от простого к сложному и от однородного к разнородному» [Rivers 1906b: 2].

Тем не менее Питт Риверс собирал этнографические объекты не столько ради них самих, сколько для того, чтобы пролить свет на доисторические времена; он был убежден, что, используя этнографическое как «известное», можно понять неизвестное — всю материальную культуру древнего человека целиком, когда все, что осталось от него в современном мире, — это каменные артефакты [Rivers 1906b: 4]. Иными словами, он полагал, что может вернуться от этнографических артефактов в предысторию и понять давно исчезнувшие культуры и типы социальной организации: «На основе этих и множества других наблюдений сходного типа, которые можно обнаружить на страницах путешествий, устанавливается принцип, заключающийся в том, что существующие расы на соответствующих стадиях развития могут быть взяты *bona fide* как представители рас древности; и какими бы они чудесными ни казались в наши дни быстрого прогресса, их навыки и искусства, даже в форме самых грубых орудий, продолжают во многих случаях существовать лишь с незначительными модификациями в неизменном виде на протяжении бесчисленных веков, начиная с эпох, бывших задолго до начала истории. Таким образом, они предстают перед нами живыми иллюстрациями социальных обычаев, форм правления, законов и военных практик, принадлежавших древним расам, отдаленным отпрыском которых они являются и чьи инструменты, напоминающие лишь с небольшими отличиями их собственные, ныне находятся глубоко в земле, в ситуациях и обстоятельствах, в которых, взятые сами по себе, они не очень многое скажут любителю древностей. Однако при условии, что находки любителя древностей станут предметом истолкований этнолога, они чреватые интересными открытиями в отношении прошлого нашей расы, и в руках антрополога, в науке которого исследование древностей и этнология соединены с психологией и геологией, они несомненно смогут, в конечном счете, пролить свет, в значительной мере прояснить тайну, которая на сегодняшний день окутывает все, связанное с истоком человечества» [Rivers 1906a I: 53–54].

Одной из главных идей Питта Риверса являлось стремление представить артефакты в виде типологических серий, с тем чтобы продемонстрировать его представления об эволюции форм в материальном мире. Этот ход размышлений, лежавший в основе выставочного метода, заключался в том, что схожие артефакты (например, копья, луки и дубинки) должны быть помещены вместе. Внутри каждой серии следовало выделить подотделы, указывающие на конкретное географическое происхождение, и там, где Питт Риверс чувствовал, что «можно проследить связь представлений», образцы располагались так, что «простейшие помещаются слева, а последующие усовер-

шенствования — в линию направо от них». Питт Риверс был готов к тому, чтобы учесть практические ограничения, связанные с использованием витрин и экранов, однако надеялся, что, несмотря на все это, экспозиция продемонстрирует «последовательность представлений» [Rivers 1906b: 3]. Он был уверен, что «собиравшаяся на систематической основе» коллекция может быть выстроена типологически, чтобы показать, что «не существует ни одного человеческого творения, которое не облагодаило бы историей медленного и постоянного развития, которое можно отследить назад, как ветви деревьев, до их места соединения с другими и так до тех пор, пока корни целого не будут обнаружены в простейших изобретениях первобытного человека» [Rivers 1906a II: 98].

Результаты подобного расположения материальных объектов должны были обладать социальными, политическими и даже психологическими следствиями. Типологические серии были нацелены на то, чтобы продемонстрировать посетителям блага медленной эволюции, а не быстрой революции: «К счастью или к несчастью <...> мы полагали правильным передать власть в руки масс. Массы невежественны, а знания погружены в трясины невежества. Знание, которого не хватает массам, — это знание истории. Это делает их открытыми замыслам демагогов и агитаторов, стремящихся заставить их порвать с прошлым, а также искать лекарства для существующих зол или средства прогресса в резких изменениях, не обладающих санкцией опыта. <...> Закону, согласно которому Природа не делает скачков, можно научить благодаря истории технических изобретений, чтобы по крайней мере сделать людей внимательнее, когда они выслушивают легкомысленные революционные идеи» [Rivers 1891: 115–116].

Та эпоха была, вне всякого сомнения, временем быстрых социальных перемен и индустриализации Западной Европы. Питт Риверс (как и другие представители британского истеблишмента) всеми силами стремился избежать социальной анархии и национального позора, которые, как он считал, охватили Францию, кульминацией чего стало поражение во франко-прусской войне в 1871 г. (отсюда и упоминание «легкомысленных революционных идей»).

Первая попытка Питта Риверса продемонстрировать свои предметные серии состоялась в Музее Бетнал Грин в 1874 г. Позднее эта экспозиция была перенесена в учреждение, в подчинении которого находился Бетнал Грин, а именно — в Музей Южного Кенсингтона (ныне известного как музей Виктории и Альберта в Лондоне). Несомненно, все отличительные признаки музея Питта Риверса, каким он станет в будущем, уже

присутствовали, по крайней мере в зародыше, еще до того, как артефакты покинули Лондон в июне 1885 г. Когда Питт Риверс подписал акт о дарении и передал свое собрание Оксфорду, он, вероятно, намеревался по-прежнему играть столь же важную роль в том, что касалось структуры экспозиции. В акте о дарении от 20 мая 1884 г. уточнялось, что университет должен «построить специальную пристройку к нынешнему университетскому музею для того, чтобы принять, хранить и содержать в Оксфорде означенную коллекцию, и такая пристройка будет использоваться исключительно для означенной коллекции и добавлений, которые время от времени будут к ней делаться <...> кроме того, университетом будет назначен лектор, который будет ежегодно читать в Оксфорде лекции по антропологии» [PRM manuscript collections, foundation volume; University archives, Uc/FF/60/2/2].

Оба эти требования были выполнены. В ноябре 1883 г. Эдвард Барнетт Тайлор, ставший в том же году хранителем университетского музея, назначен лектором (исполнять свои обязанности он должен был с января следующего года) [University Gazette, vol. XIV, November 6, 1883: 89]. Было возведено и новое здание на восточной стороне университетского музея, его строительство закончено в июне или июле 1886 г.

Тайлор был еще одним антропологом-самоучкой. До назначения хранителем музея он был джентльменом-исследователем, наиболее прославившимся своей публикацией в 1871 г. книги «Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art, and Custom». Он был на очень хорошем счету в антропологическом сообществе, будучи, быть может, самым известным британским антропологом второй половины XIX столетия, признанным в качестве одного из отцов-основателей британской социальной антропологии и видной фигурой в начальной истории данной дисциплины вообще. Всю свою жизнь Тайлор на самом деле синтезировал наблюдения других, однако он много путешествовал, особенно по Европе, совмещая досуг с укреплением здоровья. Публикации Тайлора свидетельствуют о его исключительной гуманности, интересе к мировым культурам и глобальном подходе: «Если взглянуть с глобальной точки зрения, характер и практики человечества одновременно выказывают то сходство и последовательность, которые заставили итальянца, изобретавшего пословицы, заявить, что „весь мир является одной страной“. <...> Не следует особо обращать внимание в подобных сопоставлениях на исторические даты или места на географической карте. <...> Как презрительно сказал доктор Джонсон, читая о патагонцах и островитянах южных морей, <...> „один ряд дикарей похож на другой“. Как по-на-

стоящему верно это обобщение, может продемонстрировать любой этнологический музей. Посмотрите, к примеру, на режущие и остроконечные инструменты в подобном собрании, <...> большинство или все они лишь с незначительными различиями в деталях принадлежат самым разным расам. <...> Даже когда дело доходит до сравнений варварских орд с цивилизованными народами, бросается в глаза то, как предмет за предметом, принадлежащий быту низших рас, постепенно превращается в аналогичные инструменты высших, по форме не слишком изменившихся, если изменившихся вообще» [Tylor 1891 I: 6–7].

Первый официальный контакт Тайлора с Оксфордским университетом произошел тогда, когда он был награжден степенью доктора гражданского права в 1875 г. 10 июня 1875 г. «Таймс» так описывала эти торжества в Оксфорде: «В торжественном молчании Королевский (Regius) профессор права представил каждого из кандидатов на почетную степень <...> [включая] господина Тайлора, известного своими исследованиями в сфере науки об истоках человека. Каждый из них, будучи представленным, был принят с интересом трепещущими дамами и проходил к своему месту».

В результате официальной петиции двадцати оксфордских профессоров в феврале 1882 г. Тайлор прочел в университете две публичные лекции по антропологии, которые привлекли много слушателей. Когда в начале этого же месяца умер тогдашний хранитель музея Генри Смит, Тайлор был избран в качестве его преемника. Он переехал в Оксфорд 19 сентября 1883 г. 11 декабря было объявлено о его назначении лектором по антропологии. Данная позиция являлась частью договоренностей, достигнутых с генералом Питтом Риверсом еще до того, как он преподнес в дар свою коллекцию университету. Это была первая академическая позиция по антропологии в Соединенном королевстве. Согласно Стокингу, «позиция Тайлора структурно было аномальной, и его лекции обычно собирали небольшие и разнородные аудитории слушателей, многие из которых не принадлежали к академическому миру» [Stocking 1987: 265]. Позднее, в июне 1885 г., был одобрен статут, учредивший должность профессора антропологии, которую Тайлор занимал, одновременно будучи лектором музея Питта Риверса.

Помимо требования пригласить лектора, Питт Риверс в акте о дарении выдвинул и другое требование: «Общая структура означенной коллекции, принятая на сегодняшний день, будет сохранена, и никакие изменения, касающиеся деталей, не будут делаться без согласия означенного Огастаса Генри Лейна Фокса Питта Риверса, пока он жив, а любые изменения, ко-

торые могут быть сделаны после [его] смерти, будут исключительно такими, какие будут необходимы для развития знания и которые не окажут воздействия на общий принцип, выработанный означенным Питтом Риверсом. Означенный Канцлер [университета], а также ученые и учащиеся будут время от времени, если возникнет случай и когда они сочтут желательным, тратить средства и дополнять другими объектами те предметные серии означенной коллекции, которые на сегодняшний день пребывают в несовершенном или неполном виде, и подобные образцы будут помечены на своих этикетках именами их соответствующих дарителей или коллекций, в которых они изначально находились» [PRM manuscript collections, foundation volume].

Данное условие до известной степени было соблюдено, музей всегда был и остается в значительной мере типологической экспозицией. Однако изменения стали происходить почти сразу же после того, как коллекция была перевезена в Оксфорд, при этом были приобретены и встроены новые артефакты, а существующие серии расширены. Музейный штат, главным образом благодаря Тайлору, связывался с Питтом Риверсом в начальную пору после передачи собрания, однако, насколько известно, речь не шла о деталях каждой экспозиции. Например, Генри Акленд, Королевский (Regius) профессор медицины, писал ему в 1887 г., прося совета относительно будущего Генри Балфура после того, как заболел Генри Моусли. Поскольку Акленд не хотел беспокоить Моусли этим вопросом, он спросил напрямую Питта Риверса, нет ли у него возражений по поводу того, что университет гарантирует хранительскую ставку Балфура еще на три года [OUMNH manuscript collections, 1885/1, box 2]. Однако и такие контакты со временем сократились по ряду причин, которые станут ясны позже.

Генри Ноттидж Моусли (1844–1891), Линекерский (Linacre) профессор человеческой и сравнительной анатомии, служил в университетском музее с 1881 г. и участвовал в переговорах, в результате которых коллекция Питта Риверса попала в Оксфорд. Он был назначен «куратором этнологических коллекций университетского музея» майским статутом 1882 г. [PRM manuscript collections, foundation volume: letter from Hatchett Jackson to Price, 3 May 1890]. Позднее эта должность естественным образом стала включать и работу с вновь приобретенной коллекцией Питта Риверса. Назначение Моусли и Тайлора может поэтому рассматриваться как составная часть ответа университета на акт о дарении. Коллекция Питта Риверса находилась в ведении отделения медицины до начала 1890-х гг., когда Генри Балфур (1863–1939) стал куратором и к прежнему кругу его обязанностей добавились новые. Первое, что предприняли

Тайлор и Моусли в 1884 г., — перевозка коллекции из Музея Южного Кенсингтона в Оксфорд.

Учитывая, что Оксфордский университет был первой британской институцией, в которой было инициировано преподавание антропологии, начавшееся в то самое время, когда в университетский музей была перевезена коллекция, поначалу было невозможно найти антропологически подготовленный штат для работы в музее. Вместо того чтобы обратиться к археологам (быть может, наиболее очевидный выбор в других обстоятельствах), Моусли, как и подобало работнику музея естественных наук, искал сотрудников для новой антропологической коллекции среди аспирантов-естественников. Этот выбор оказал глубокое влияние на развитие антропологии в Оксфорде.

Использование в качестве сотрудников этнографических коллекций ученых-естественников обладало и определенными преимуществами, проистекавшими главным образом из полученного ими в процессе обучения опыта по наблюдению, фиксации и упорядочению данных. Признание абсолютного значения материальных свидетельств, которые могут быть проверены, также являлось важнейшим преимуществом. Генри Балфур рассматривал свои этнографические артефакты почти как образцы фауны, даже «давая описание сравнительной анатомии составного (composite) лука» [Balfour 1889: 244]. Различные виды и семьи животных и птиц можно было идентифицировать, обратив пристальное внимание на их структурные характеристики, сходства и различия. Балфур был убежден, что те же самые процедуры можно использовать для научных исследований материальной культуры. Иными словами, подготовка в области естественных наук могла сделать выявление типологических рядов, идентифицированных Питтом Риверсом, еще более строгим и научным.

Сам Питт Риверс осознавал близость своей типологической конструкции таксономиям естественных наук: «Классификация образцов естественной истории давно уже является признанной необходимостью в устройстве любого музея, который нацелен на сообщение полезной информации, однако этнографические объекты вообще мыслились непригодными ни для чего другого, кроме как для расположения по географическому принципу. <...> Образцы в наших музеях, собиравшиеся не систематически, не могут быть расположены научным образом» [Rivers 1874/9: XII].

Первым профессиональным естественником, работавшим с коллекцией, был Уолтер Болдуин Спенсер (1860–1929), который вскоре после этого получил место первого профессора биологии в Мельбурнском университете (Австралия). Начи-

ная с Пасхи 1885 г. Спенсер служил в качестве младшего преподавателя под началом Моусли на отделении сравнительной анатомии. В его основные обязанности входило наблюдение за лабораторными занятиями и курс лекций, а кроме того, в какой-то момент в 1885 г. ему было предложено заняться упаковкой и транспортировкой коллекции Питта Риверса в Оксфорд. Перевозка коллекции началась в июне 1885 г., когда Моусли написал Уильяму Гамлену, секретарю университетской казны: «Я отправляюсь в город с Тайлором для руководства работами» [University Archives, UC/FF/60/2/2]. Следующее письмо от Моусли его коллеге Эдварду Роултону подтверждает, что основная работа, связанная с перевозкой, была осуществлена в июне 1885 г. Тайлор также посетил Лондон, остановившись в Клубе «Атенеум»¹. Спенсер отмечал: «Чиновники снимают коллекцию, <...> однако мы не можем доверять им этикетки. <...> Мы втроем начинаем с утра и работаем до 5.30 с коротким перерывом только на обед. Однако это интересная, хотя и утомительная работа: Тайлор сам, конечно, является лучшим антропологом Англии и действительно очень милым человеком» (цит. по: [Mulvaney 1985: 50]).

Спенсер работал с У.Дж. Хиллом, который курировал коллекцию в Музее Южного Кенсингтона. Позднее Спенсер писал Балфору: «Именно коллекция старого Питта Риверса впервые заставила меня по-настоящему заинтересоваться антропологией. Я думаю, это произошло в 1884 или 1885 г., когда Моусли спросил меня, не хочу ли я провести отпуск, помогая паковать коллекцию, которая тогда хранилась в Южном Кенсингтоне. Я много занимался упаковкой, и было исключительно интересно слушать, как пришедшие Моусли и Тайлор разговаривают об этих вещах. Я хорошо помню, что Моусли казался знающим гораздо больше Тайлора того, что касалось деталей, и конечно, приобретя опыт на „Челенджере“, он мог о многом рассуждать не понаслышке, однако Тайлор с его странными — вы можете это помнить — „вздохами“ — не знаю, как это по-другому выразить — просто очаровал меня. Для молодого человека вроде меня это исключительно интересно, а кроме того, было большой привилегией установить личный контакт с этим двумя сотрудниками. Если говорить о них обоих, тогда я был убежден в том, что Моусли обладал большими техническими знаниями, а Тайлор — более широким взглядом» [PRM manuscript collections, Spencer papers, Box IV: letter 21, 24 September 1920].

Спенсер был вознагражден за свою тяжелую работу, когда Тайлор дал ему рекомендацию: «Когда я подавал прошение

¹ Один из наиболее знаменитых лондонских клубов, традиционно любимый представителями академического мира и членами высших эшелонов служителей англиканской церкви.

о месте профессора биологии Мельбурнского университета, доктор Тайлор, с которым я работал по перевозке коллекции Питта Риверса в Оксфорд, выразил в письме, которое он мне дал, уверенность, что, как он полагал, я смогу быть ценным работником, если когда-нибудь окажусь в контакте с дикарями» [Spencer 1928: 185, footnote 5].

Спенсер, естественно, сделал все, чтобы оправдать это пожелание, став выдающимся антропологом, работая вместе со своим коллегой Френсисом Джеймсом Гилленом среди народа арренте в Центральной Австралии.

И Тайлор, и Моусли занимались не только упаковкой, но и разработкой детального плана нового музея (см., например, [University Archives, UC/FF/60/2/2], где Моусли высказывает возражения по поводу сужения лестничного пространства). 12 октября 1885 г. Моусли попросил Гамлена выделить средства для годовой работы опытного ассистента, который помог бы ему с этикетками и расстановкой экспонатов из коллекции Питта Риверса. Моусли попросил Генри Балфура, другого из своих аспирантов-естественников, заняться этой работой со стипендией 100 фунтов в год: «Придется выполнять самую разнообразную и очень тяжелую работу, делать небольшие рисунки, писать и печатать очень четкие этикетки, сделать описание каталога, расположить предметы в витринах, заниматься починкой, категоризацией объектов, а также убирать, помогать плотнику укреплять вещи на экранах, искать самые разные объекты в иллюстрированных изданиях, куковских травелогах» [PRM manuscript collections, foundation volume: letter from Moseley to Balfour, 11 October 1885].

Балфур приступил к работе 28 октября 1885 г., это был уже второй аспирант-естественник, нанятый на работу с коллекцией Питта Риверса, поставивший свою научную подготовку и навыки наблюдения на службу антропологии. Учитывая время, которое должно было пройти между перевозкой коллекции в Оксфорд и окончанием строительства нового здания (по крайней мере год), кажется вероятным, что Балфур работал с артефактами, хранившимися в университетском музее и в других местах (в Кларендон Билдинг, комнатах в университетской Дивинити Скул, в Бодлеанском дворе и в здании Экзаминайшен Скулс на Хай стрит)¹. Спенсер и Балфур работали на ран-

¹ Дивинити Скул — Школа (факультет) богословия, построенная в 1427–1483 гг., самый старый лекционный зал Оксфордского университета. Кларендон Билдинг построен как здание университетского издательства в 1711–1713 гг. знаменитым архитектором английского барокко Никласом Хауксмуром. Экзаминайшен Скулс — здание университетских экзаменов в центре Оксфорда, построенное в 1882 г. сэром Томасом Бартом; используется также в качестве лекционных залов и проч.

них этапах устройства коллекции в Оксфорде. Тайлор писал, что Спенсер и Балфур получили комнату хранителя в университетском музее, занимаясь коллекцией, и «они использовали комнату в течение длительного времени» [Mulvaney 1985: 60]. Большая часть работы по распаковыванию, расположению и каталогизации в первые годы перед тем, как новая пристройка была закончена, проводилась во дворе университетского музея, отведенном для анатомии, а для временного хранения этих коллекций необходимо было достаточное пространство.

Как было указано в акте о дарении, большая часть коллекции Питта Риверса должна была быть устроена в соответствии с той экспозицией, которая существовала в Музее Южного Кенсингтона. Это облегчалось благодаря тому факту, что Музей согласился перевезти экраны, на которых экспозиция была затем помещена в Оксфорде, причем некоторые стенды перевозились прямо с предметами [University Archives, UC/FF/60/2/2]. Однако поскольку упаковка делалась очень быстро, вскоре стало ясно, что некоторую часть экспозиции довольно трудно реконструировать, в частности потому, что часть документации потерялась [University Archives, UC/FF/60/2/2: letter from Hill to Moseley, 8 May 1886]. В июне 1886 г. Моусли устроил поездку Хилла из Музея Южного Кенсингтона с первоначальными каталогами коллекции, для того чтобы попытаться помочь данному процессу [University Archives, UC/FF/60/2/3: letter from Moseley to Gamlen, 11 June 1886].

Вскоре стало понятно, что по мере того как благодаря новым артефактам коллекция Питта Риверса будет увеличиваться, типологическая экспозиция потребует расширения. И дело не только в том, что появлялись новые объекты, полученные от других дарителей: университет решил перенести все этнографические и некоторые археологические коллекции из других университетских музеев в собрание Питта Риверса. Приток новых артефактов был достаточно велик, что было отмечено в годовом отчете делегатов музея за 1888 г.: «Что касается удобства расположения, то новые поступления в музей Питта Риверса приходят слишком быстро, однако во всех уголках мира древние стадии цивилизации на сегодняшний день исчезают столь стремительно, что представляется желательным найти место для образцов этого класса, возможность сохранить которые может более не представиться» [First Annual Report 1889: 40]. Вдобавок дарители, не связанные с университетом, стали посылать объекты в Музей, как только он появился в Оксфорде. Приблизительно 2901 предмет был получен от новых дарителей и 4948 передано из других отделов университетского и Ашмолеанского музеев с 1884 г. по конец 1889 г. Лишь некоторые из этих новых дарителей прежде передавали предметы в основную

коллекцию Питта Риверса. Большинство из них составляло три группы: жившие в Оксфорде, обладавшие связями с университетом или являвшиеся личными знакомыми Тайлора.

Основным вкладом Питта Риверса в развитие музея стала его важнейшая коллекция, а также метод ее экспонирования. Вклад Тайлора заключался в создании сети людей, которые стали ее донорами, а также способствовали дальнейшему развитию музея в XX в. В бытность свою джентльменом-исследователем Тайлор приобрел массу связей, которые можно было оживить для получения новых артефактов. Позднее Балфур создал и собственную сеть и в конце концов смог привлечь коллег и союзников во всем мире, которые предоставляли артефакты или информацию для музея, а также помогали находить новых студентов, записывавшихся на курсы, которые читались в музее.

Деятельность организатора и добытчика новых артефактов была наиболее важным вкладом, который Тайлор сделал для музея Питта Риверса. Многие люди, дарившие музею артефакты в период до 1891 г., были его знакомыми. Этот ряд включал членов семьи Тайлора, таких как его *belle soeur*, Дж.Дж. Тайлора (вероятно, племянника), а также Френсиса Фокса Такетта, его *beau frère*. Другими дарителями стали профессиональные коллеги — Безил Холл Чемберлен, Джеймс Стивенсон, Лоример Файсон, Эдвард Им Турн, а также Джозеф Пакстон Мойр; все они активно переписывались с Тайлором по проблемам антропологии. Успех Тайлора как антрополога зависел от множества коллекционеров, миссионеров, колониальных чиновников, путешественников и этнологов, которым он писал и с которыми сотрудничал по всему миру. Обмен предметами был важной частью этого процесса.

По всей вероятности, Тайлор сам начал заниматься коллекционированием, будучи в Мехико в 1855 г. В Музее имеются каменные инструменты, например мексиканский обсидановый скребок [1917.53.101], фигурки [1917.53.299–406] из тех же мест, а также костюм, который носил Тайлор, занимаясь собиранием (передан потомком Тайлора Ф. Миллисентом Тайлором [1978.14.1–4]). Он продолжал коллекционировать предметы во время многочисленных поездок в Европу и Северную Америку. Несколько предметов учтены именно в качестве полевых находок, сделанных Тайлором, например норвежский меч, полученный им в Молде [1888.42.4]. Во многих случаях точно неизвестно, собрал ли эти объекты сам Тайлор, но возможно, что это именно так, поскольку объекты происходят из стран, про которые мы знаем, что он их посещал или жил в них¹.

¹ Дополнительную информацию о коллекции Тайлора можно найти на: <http://history.prm.ox.ac.uk/collector_tylor.html>, а также <http://history.prm.ox.ac.uk/page_54.html>. Кроме того, для

Мы обследовали собрание Тайлора статистически в рамках проводящегося в настоящее время в музее при финансовой поддержке «Economic Science Research Council» исследовательского проекта «Relational Museum»¹. Максимальное число артефактов, когда-то находившихся в собственности Тайлора и позднее переданных в музей, составляет 4285. Многие из них были подарены не им самим, а Анной Тайлор после его смерти в 1917 г. или ее распорядителями после ее смерти в 1921 г. Всего 70 стран представлены или вероятно представлены в коллекции Тайлора, что указывает на очень широкий диапазон. Детали, касающиеся его коллекции, можно найти на сайте <http://history.prm.ox.ac.uk/page_54.html>.

При случае Тайлор активно добивался получения новых артефактов для музея Питта Риверса (как он определенно поступил с тотемным шестом [1901.39.1], самым знаменитым даром, получение которого он устроил в 1901 г.). Другой пример относится к 1889 г., когда он попросил у Франца Боаса особого рода плетеную корзину: «Это пропущенная в музее стадия, и она очень нужна» [Brown et al. 2000: 269]. Выражение «пропущенная стадия» подтверждает, что Тайлор напрямую интересовался типологическим принципом экспозиции и использовал свои профессиональные контакты, чтобы заполнить обнаруженные пробелы или недостачу. Он также пользовался своим положением в университете для того, чтобы активно просить о присылке экспонатов, как свидетельствует следующее письмо от его оксфордского знакомого: «Во время разговора в вашей гостиной несколько месяцев тому назад Вы упомянули пережиток, распространенный среди некоторых народов, — носить отрезанный кончик языка в качестве талисмана. В то же время Вы спросили меня, не могу ли я добыть один такой подлинный предмет для вас. Совершенно неожиданно несколько дней назад мне удалось достать такой предмет, который действительно использовали по данному назначению в течение некоторого времени, и сейчас я вкладываю его в этот конверт в надежде, что вы сочтете его полезным в качестве прибавления к вашей коллекции подобных предметов. Это подлинный экземпляр. Не я носил его с собой, чтобы сделать подлинным» [PRM manuscript collections, Tylor papers: Albert William Brown², Tunbridge Wells, to Tylor, 13 October 1897; подчеркнуто автором письма].

того чтобы найти информацию по управлению важными коллекциями в базе данных, посвященной музейным артефактам, можно использовать номера приобретений, см. <<http://www.prm.ox.ac.uk/databases/>>.

¹ Дополнительную информацию о проекте и его находках см. на: <<http://www.prm.ox.ac.uk/RelationalMuseum.html>>.

² Альберт Уильям Браун был преподавателем в Крайст Черч.

Иногда роль Тайлора оказывалась и пассивной — когда он получал дары, о которых не просил. Однако каковы бы ни были конкретные обстоятельства, в которых были получены эти подарки, можно согласиться с тем, что само его присутствие в Оксфорде и связи с музеем означали их значительное количественное увеличение. Он укреплял эти отношения обмена, посылая в ответ экземпляры, например некоторые монеты и другие объекты человеку, подарившему каменное орудие из Австралии [PRM manuscript collections, Westlake papers: f. 11–13].

Тайлор и Балфур продолжали работать вместе на протяжении первых лет существования музея после отставки Моусли. Существуют свидетельства (см. ниже) того, что между ними была некая соревновательность или неприязнь, но столь же очевидно, что ради обсуждения тех или иных аспектов материальной культуры они отодвигали в сторону любые личные расхождения: «Различные способы изготовления вампума, используемые для того, чтобы определить дату предмета и его происхождение, требуют здесь дальнейшего рассмотрения. Достаточно внимательно изучив предмет вместе с г-ном Балфуром, я выделил следующие частности, в которых мы согласны. Что касается внешней формы бусин, то их существует два типа. Наиболее древние бусины изготавливались трением куска раковины или камня. <...> Новые бусины получали свою цилиндрическую форму поворачиванием в токарном станке. <...> Применим этот критерий к вамповым поясам, форма которых является предметом статьи г-на Хейла. Г-н Балфур и я не смогли обнаружить в них никаких обработанных камнем бусин; это равносильно тому, чтобы сказать, что они принадлежат европейскому периоду и не могут быть изготовлены ранее 1600 г.» [Tylor 1897: 249–250].

Получение всех этих новых артефактов замедляло работу по установке реконструированной экспозиции, что действительно являлось огромной работой. В первом опубликованном годовом отчете Коллекции Питта Риверса в 1888 г. Балфур (замещавший больного Моусли) отмечал, что около 1500 предметов на экранах были полностью каталогизированы. «Этикетка на каждом экспонате отсылает посредством номера к отдельной карточке, на которой записано точное описание предмета, с измерениями, где необходимо, местом и всеми данными, как и указание на литературу. Карточки снабжены номерами и выстроены в серии в коробках». К этому времени Балфур работал над экспозицией Верхней галереи музея, экспозиция во внутреннем дворе внизу была открыта для публики в январе 1887 г.

Влияние Тайлора на коллекцию Питта Риверса уменьшается с 1890 г., когда куратором собрания был назначен Балфур. К этому времени между Тайлором и Балфуром уже была явная вражда. Даже через тридцать лет Балфур приходил в ярость по поводу того, что он считал излишней назойливостью Тайлора и его любовью к саморекламе: «Тайлор никогда не играл никакой роли во внутреннем управлении музеем Питта Риверса, не отвечал никак за классификацию, организацию или административную. <...> Это находилось в ведении профессора Моусли, пока Моусли не ушел в отставку, а я стал его преемником как куратор, когда он умер. Тайлор никогда не играл никакой роли как организатор, и его об этом не просили. Верно, что в 1890 г. совет предпринял попытку сделать Тайлора моим начальником, однако эта затея провалилась, поскольку я, естественно, отказался иметь что-либо общее с такой бесчестной схемой, которая означала бы, что он присвоит себе работу, которую сделал и делал я... Тайлор был доцентом (а позднее профессором) антропологии, что не предполагало его ответственности или руководства музеем Питта Риверса» [PRM manuscript collections, Tylor papers: letter dated 1 October 1919].

Конфликт, однако, был смягчен внешними обстоятельствами. Заболевший приблизительно в 1896 г. Тайлор в марте 1902 г. подал в отставку с поста хранителя университетского музея, все еще оставаясь профессором антропологии. В это время его официальные отношения с музеем Питта Риверса, видимо, полностью прекратились. Тем не менее его участие в общественной жизни университета сохранялось. Когда Тайлор в конце концов оставил Оксфорд в 1910 г., в «The Oxford Magazine» за декабрь того же года было опубликовано следующее сообщение: «Весь Оксфорд мысленно присутствовал на железнодорожной станции в прошедший четверг, прощаясь с д-ром и миссис Тайлор. <...> Мучительным должно было быть для них после двадцати шести лет академической жизни расставаться с друзьями и знакомыми местами. <...> В Сомерсете, где были написаны все его знаменитые книги, ветеран науки будет наслаждаться иммунитетом от мелких перерывов в работе, которого с каждым днем становятся все труднее достичь внутри университета, несмотря на его классическую репутацию спокойного места, отрешенного от внешней жизни. Для нас, между тем, отъезд д-ра и миссис Тайлор является настоящей потерей. Участвовать в чаепитиях и разговорах в музейном доме, разглядывая некоторые из его странных сокровищ — тасманские эолиты, мексиканские горшки, трешотки, лестницы духов et hoc genus omne, было драгоценной привилегией, по которой будущие поколения будут тщетно вздыхать. Кроме того, приютить бога-олимпийца почти все равно, что быть Олимпом. Присутствие доктора Тайлора среди нас,

принимал он участие в преподавательской работе или нет, наделяло оксфордскую антропологию разновидностью первенства в глазах всего мира. Во всяком случае <...> пусть д-р и миссис Тайлор помнят, что между Веллингтоном и Оксфордом существует прямая ветка, так что внезапных и частых визитов ждут от них многочисленные оксфордские друзья и не в малой степени те, кто стремится, насколько это возможно, сохранить ту тайлоровскую традицию, которая является немалой частью нашей академической славы».

Едва ли удивительно, что устройство 28 000 предметов заняло у Балфура, его ассистента Дж.Т. Лонга, а затем и другого помощника по фамилии Бил почти семь лет. Только в конце 1891 г. Питт Риверс, даритель основной коллекции, прочитал вступительную публичную лекцию «Первоначальная коллекция музея Питта Риверса; принципы организации и история». И только в конце 1892 г. все музейные экспозиции были открыты для публики. Точно неясно, когда музей Питта Риверса и университетский музей стали совершенно разными учреждениями, какие-либо официальные распоряжения на этот счет отсутствуют, однако музей все более и более начал приобретать свой собственный облик.

Апрельская лекция 1891 г. была, по всей вероятности, одним из тех немногих случаев, когда большинство наших героев (за исключением Спенсера и Моусли) могли оказаться в одном месте в одно время. Это был конец начального этапа истории музея, связанного с Питтом Риверсом — человеком. С этого времени влияние Балфура возросло, и до самой своей смерти в 1939 г. он играл доминирующую роль в музее, занимаясь формированием и развитием коллекции так, как он считал наилучшим, а также обучая антропологов, полевых собирателей и профессиональных музейщиков, которые будут развивать музейную коллекцию во второй половине XX в.

Вся эта деятельность была не по вкусу дарителю основной коллекции. Питт Риверс был разочарован тем, как развивался музей после того, как он попал в руки Тайлора, Моусли и Балфура. Он не очень ценил тяжелую работу, проделанную Балфуром, или достижения Тайлора, хотя Тайлор преданно относился к антропологии и долгосрочному будущему оксфордской коллекции. Позднее Питт Риверс делал такой вывод: «Я не думаю, что система [его собственная система типологического расположения] была с одобрением опробована в Оксфорде. Несомненно, г-н Тайлор и г-н Балфур сделали, что смогли, однако у них не было инструментов, материалов или средств глубоко проработать систему, и вскоре я обнаружил, что невозможно, чтобы метод, изложенный одним человеком, был бы

по-настоящему реализован другими. Некоторые из серий не были составлены вообще, а другие весьма несовершенным образом. Коллекцию в целом нельзя было посмотреть в течение долгого времени, пяти лет, я думаю, пока возводилось здание, и мое здоровье не позволяло часто туда ездить. Данное здание не подходит для коллекции, построенной на идее развития, которая лучше могла бы быть представлена в низких, непретенциозных длинных галереях, хорошо освещаемых сверху; большое пространство с высокими потолками не требовалось. Роллстон и Моусли возглавляли предприятие, когда я передал коллекцию Оксфорду, и хотя Тайлор являлся лучшим [специалистом] в социологии, в это время у него были скудные познания в области материальных искусств. Балфур, хотя и много работавший, не знает в некоторых отношениях, я уверен, до сего дня, каков был изначальный проект коллекции. Тем не менее я не жалею о этих людях. Насколько могли, они пытались воплотить изначальную идею, однако обстоятельства были против этого. Оксфорд не был подходящим местом для этого, и я никогда не послал бы коллекцию туда, если бы не был в это время болен и не стремился найти для нее постоянное место на будущее. Я всегда сожалел об этом, и мой новый музей в Фарнеме, в Дорсете, представляет мою точку зрения на данный предмет гораздо лучше. Я напишу об этом статью, если доживу» [Salisbury Museum: letter to F.W. Rudler, 23 may 1898, цит. по: Chapman 1981: 535]¹.

Разочарование Питта Риверса по поводу музея в Оксфорде не разделяли как представители широкой публики, так и ученые — и те, и другие толпой валили в музей и все больше и больше дарили музею артефактов. К концу Второй мировой войны общее количество предметов, хранившихся в музее, составляло почти 180 000 объектов. Балфур, которого Питт Риверс отверг в качестве невежды, проработал в музее всю свою жизнь до самой смерти в 1939 г. и стал признанным экспертом в области этнографических музеев.

¹ Музей открылся в 1885 г. (см.: <<http://www.salisburymuseum.org.uk/galleries/index.php?Action=3&objID=43&prevID=10>>), но судьба его также оказалась непростой: в последние десятилетия XX в. собрания претерпели значительные утраты в связи с конфликтами между наследниками Питта Риверса, в результате чего многое было распродано.

Сокращения

- PRM — Pitt Rivers Museum, музей Питта Риверса
 OUMNH — Oxford University Museum of Natural History, Оксфордский университетский музей естественной истории

Библиография

- Balfour H.* On the Structure and Affinities of the Composite Bow // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1889. Vol. 19. P. 220–250.
- Bowden M.* Pitt Rivers — The Life and Archaeological Work of Lt. General Augustus Henry Lane Fox Pitt Rivers D.C.L., F.R.S., F.S.A. Cambridge, UK, 1991.
- Brown A., Coote J., Gosden C.* Tylor's Tongue: Material Culture, Evidence and Social Networks // Journal of the Anthropological Society of Oxford. 2000. Vol. 31. No. 3. P. 257–276.
- Chapman W.* Ethnology in the Museum. Unpublished D. Phil thesis. Vols. I and II. Pitt Rivers Museum, University of Oxford, 1981.
- Coote J.* Curiosities from the Endeavour: A Forgotten Collection: Pacific Artefacts given by Joseph Banks to Christ Church, Oxford after the First Voyage Captain Cook Memorial Museum. Whitby, 2004.
- First Annual Report of the Delegates of the University Museum (for 1888) // The Oxford University Gazette. 2 May 1889. Vol. 19. P. 401.
- Mulvaney D.J., Calaby J.* So much that is new — Baldwin Spencer 1860–1929. Melbourne, 1985.
- Petch A.* Man as He Was and Man as He Is // Journal of the History of Collecting. 1998. Vol. 10. No. 1. P. 75–85.
- Petch A.* Chance and Certitude: Pitt Rivers and his First Collection // Journal of the History of Collecting. 2006/7.
- Rivers A.H.L.F.P.* Catalogue of the Anthropological Collection lent by Colonel Lane Fox for Exhibition in the Bethnal Green Branch of the South Kensington Museum June 1874 ... London, 1874 / updated 1879. Parts I–II.
- Rivers A.H.L.F.P.* Typological Museums, as Exemplified by the Pitt Rivers Museum in Oxford and his Provincial Museum in Farnham Dorset // Journal of the Society of Arts. 1891. No. 40. P. 115–122.
- Rivers A.H.L.F.P.* Primitive Warfare I–III: Lectures delivered at the RUSI. Reprinted in: The Evolution of Culture. Oxford, 1906a. P. 45–185.
- Rivers A.H.L.F.P.* Principles of Classification // The Evolution of Culture. Oxford, 1906b. P. 1–19 [first published as: On the Principles of Classification Adopted in the Arrangement of his Anthropological Collection, Now Exhibited in the Bethnal Green Museum // Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1874. No. 4. P. 293–308 (a lecture read at the special meeting of the Institute held at Bethnal Green Museum on 1st July 1874 on the occasion of the opening of the collection to the public)].

Spencer W. Baldwin Wanderings in Wild Australia. London, 1928.

Stocking G. Victorian Anthropology. New York, 1987.

Tylor E.B. Primitive Culture. London, 1871. Vols. I–II. [reprinted 1891].

Tylor E.B. The Hale series of Huron Wampum Belts // Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1897. Vol. 26. P. 248–254.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума